

The background of the book cover is a photograph of a waterfront scene. On the left, a white ferry boat with a blue stripe is on the water. To the right, a paved walkway runs along the water, lined with trees that have some autumn-colored leaves. In the distance, a city skyline is visible across the water. The sky is blue with some clouds.

18+

Галина Вольская

«ПРЕКРАСНЫЕ» ДЕВЯНОСТЫЕ

Сборник рассказов, повестей, очерков

Галина Вольская

**«Прекрасные» девяностые.
Сборник рассказов,
повестей, очерков**

«Издательские решения»

Вольская Г.

«Прекрасные» девяностые. Сборник рассказов, повестей, очерков /
Г. Вольская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966164-7

Девяностые годы прокатились безжалостным катком по всей стране. Небольшому городу на Волге досталось больше других, он потерял почти всю свою промышленность. Город-герой, город-труженик стал моногородом. Жизнь и работа в этом городе в девяностые годы женщины, растившей двоих сыновей без помощи их отцов, описаны в рассказах, очерках, повестях сборника.

ISBN 978-5-44-966164-7

© Вольская Г.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Моногород	7
Минск	8
Ставрополь	10
Леня	12
Богданов	16
Контора	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

«Прекрасные» девяностые

Сборник рассказов, повестей, очерков

Галина Вольская

© Галина Вольская, 2019

ISBN 978-5-4496-6164-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Родилась 21 июля 1949 года в семье служащего в г. Вольске Саратовской области. Отец Попов Павел Тимофеевич работал учителем физики, завучем школы №4, затем также учителем и завучем Вольского технологического техникума, учителем и директором школы №2, затем учителем и директором школы №11 на Привольске. Мать Попова Евдокия Ильинична работала бухгалтером в Госстрахе, электросети, потом на пенсии оператором котельной.

Окончила десятый класс школы №1 г. Вольска в 1966 году. Один год работала лаборантом физического кабинета школы №2 г. Вольска.

В 1967 году поступила на отделение «Радиофизика и электроника» физического факультета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, окончила университет в 1973 году.

Работала по распределению инженером во ВНИИ (всесоюзный научно-исследовательский институт) «Сигнал» в г. Коврове Владимирской области.

С 1977 года по 1991 год работала программистом в воинской части г. Вольска Саратовской области.

Во время перестройки несколько раз поменяла место работы – Вольская промышленная ассоциация, завод «Красный Октябрь», Вольская экспедиционная база Физического института Российской академии наук,

Специальное автохозяйство, Центральная районная больница. По совместительству работала в роддоме г. Вольска.

С 2000 года по 2010 год работала снова программистом воинской части. С 2010 года на пенсии.

На сайте проза.ру зарегистрировалась в декабре 2012 года, с сентября 2014 года член Российского союза писателей.

В зарегистрированном браке не состояла и не состою. Сыновья Попов Алексей Александрович 1975 года рождения,

Попов Павел Михайлович 1987 года рождения.

Моногород

Когда-то, не так давно, движение по Волге было очень оживленное. Шли двух- и трехпалубные пассажирские теплоходы, баржи и танкеры везли грузы, передвигались длинные плоты, сновали шустрые катера, лодки. Появились и скоростные теплоходы на подводных крыльях. Пристани стояли во всех волжских городах и селах. Этот город, расположившийся на правом, гористом берегу, узнавали по дымящим с обоих концов заводским трубам. Порой весь город затягивало пылевой завесой. Пассажиры проплывающих теплоходов удивлялись:

– Как они здесь живут?

А жители вроде бы уже и не замечали тончайшую, серую, цементную пыль. Это же основное производство города! Как без него? «Цемент» называлась центральная городская гостиница, «Цемент» назывался ресторан в гостинице, «Цемент» называлась местная газета. Значительная часть горожан работала на цементных заводах и на заводах по производству и обслуживанию цементного оборудования. Технологический техникум готовил специалистов в этой области. Работали цементные заводы много лет, никому и в страшном сне не приходило в голову, что они могут исчезнуть. Разве может разом прекратиться строительство домов, предприятий, объектов, где нужен цемент? Строительство не прекратилось, а заводы вдруг стали не нужны. Все пошло наперекосяк в огромной стране, и все пошло наперекосяк в маленьком цементном городке. Перестройка прокатилась безжалостным колесом по жизням и судьбам многих людей, но здесь след этого колеса оказался особенно глубок. Не нашлось в тот момент в руководстве людей, заинтересованных в сохранении города, «приезжие варяги» думали только о наполнении своих карманов. Ведь кроме цементных заводов перестали существовать и все остальные предприятия города, а было их двадцать два. Город имел свой мясокомбинат, хлебозавод, пивной завод, славящийся своей продукцией, макаронную, швейную, мебельную фабрики, кожевенный завод, кирпичный завод, завод дубильных экстрактов и еще ряд больших и малых производств. Уничтожили все. Даже колхозный рынок, приносивший какую-то прибыль, был продан соседнему городу. А сами руководители настроили себе особняков, обзавелись собственными магазинами и объявили себя почетными гражданами города.

Город-труженик, город героев войны и труда стал вдруг моногородом. Остался всего один цементный завод, да и тот принадлежит немцу, вся основная прибыль идет в Германию. Коренное население города значительно уменьшилось, зато небывало разрослась территория кладбища, приблизилась вплотную к городским улицам. Молодежь уезжает в поисках заработков, доживают старики. Исчезают уникальные специалисты, передававшие из поколения в поколение секреты своего мастерства. Пытаются сейчас сделать город туристическим центром, но такая ли это достойная судьба для города боевой и трудовой славы? Бьет по сердцу название – моногород.

Минск

Лабораторный корпус для новой ЭВМ в нашей небольшой, затерянной воинской части строили так долго, что когда его, наконец, построили и установили ЭВМ, она уже оказалась морально устаревшей. Тем не менее, ее надо было использовать, осваивать новые языки программирования для работы с ней. В это же время у нас стали появляться первые персональные компьютеры. Это было начало девяностых лет, разгар перестройки.

Я ехала в Минск на курсы программирования на языке ПЛ/1, а наши офицеры осваивали работу с ПЭВМ. Сначала я ехала с одним офицером, потом он должен был уехать, приехать другой. Их курсы продолжались по месяцу, мои курсы – два месяца.

Сразу возник вопрос – как одеваться? В феврале у нас снежно и холодно, там теплее, а в марте будет тепло и у нас. Я остановилась на теплом демисезонном пальто и не ошиблась, а вот Леонид, приехавший вторым, с одеждой не угадал. Он приехал в теплой летней куртке, а в Минске снега не было и в феврале.

Владимир, выезжавший вместе со мной, был в Минске не в первый раз, хорошо ориентировался в городе, поэтому мы без проблем нашли учебный центр, расположенный на далекой окраине. Для нас были забронированы места в гостинице рядом с центром, а многих других расселяли по квартирам в разных концах города. Город старинный, но в войну был сильно разрушен, большинство зданий современной постройки, в том числе многоэтажный корпус учебного центра.

Наша группа небольшая, разнородная по образованию, возрасту, месту проживания, опыту работы. Были такие, кто не занимался программированием раньше, они с трудом осваивали курс. Труднее всех мужчине из Казахстана, он и на русском языке говорит не очень хорошо, а тут надо язык программирования освоить, но он очень старается. Для выполнения контрольных заданий нас разбивают по парам так, чтобы более опытные помогали новичкам. Моя напарница работала на заводе в Самаре, программировать ей раньше не приходилось.

Свободное время мы посвящали прогулкам по городу, иногда с Владимиром, иногда с женщинами из группы. Город мне нравился, чистый, ухоженный. Часто слышу расхожую фразу «чисто не там, где убирают, а там, где не сорят». Неправда! Здесь убирают, причем дворники и уборщицы в кинотеатрах, магазинах работают весь день, а не несколько часов утром или вечером, как во многих наших городах.

У меня дома маленький ребенок, поэтому для меня проблема с посещением кинотеатров, театров. Ребенок шустрый, подвижный, мама соглашается с ним сидеть только когда я на работе, она с ним слишком устает. У Владимира трое сыновей, тоже не разгуляешься. Владимир соглашается составить мне компанию в походах в кинотеатры, тем более появилось множество фильмов, которые раньше на наших экранах было немислимо увидеть. Фильмы смотрим и наши, и зарубежные, как в небольших клубах на окраинах, так и в больших центральных кинотеатрах. Многие названия уже не припомнить, помню только «Оно», «Черная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви». По телевизору впервые вижу то, что сейчас называется клип, – песня и танец ламбада.

Заглядываем в магазины. В этот период наши магазины окончательно опустели даже в Москве, припрятали все товары, готовясь к резкому подъему цен. Здесь есть все по прежним, приемлемым ценам, но то, что пользуется повышенным спросом, продается только по паспортам с местной пропиской. Наши зачетные книжки с фотографиями и печатями тоже дают право на покупку любых товаров. Конфеты можно купить без документов, но отстояв огромную очередь.

Возле учебного центра была хорошая столовая, но можно было неплохо пообедать и в центре, с удовольствием посидеть в новой для нас чебуречной. В больших кинотеатрах

работали буфеты, бары. В Москве в это время закрыли все столовые, перекусить удавалось только стоя в какой-нибудь пельменной или приюжковой.

Говорят везде по-русски, белорусскую речь можно услышать только по местному радио, которое иногда включается в нашей комнате в гостинице. Люди доброжелательные, культурные. Я сначала удивлялась, когда на перекрестках автомобили останавливались, пропуская меня, у нас тогда водители на повороте ехали прямо на пешеходов. Самое красивое место в центре возле моста через Свислочь. Здесь сохранена или воссоздана часть старинных построек, выложенные брусчаткой дорожки, лавочки, кафе.

Учебный центр организует для своих учеников экскурсию в Хатынь. Закопченные трубы печей на месте сожженных домов, печальный колокольный звон. На обратном пути останавливаемся возле высокого кургана, насыпанного руками людей в память о погибших. Здесь свято берегут память о прошлом, о войне.

Уезжает Владимир, приезжает Леонид, я его встречаю уже, как старожил. Владимир показывал город мне, я показываю Леониду. У него проблем с посещением кинотеатров нет, он составляет мне компанию не очень охотно. Но ему друзья заказали привезти детскую одежду, наручные часы, я помогаю ему найти нужное.

Курсы у Леонида заканчиваются чуть раньше, чем у меня, но он немного задерживается, чтобы помочь мне добраться до дома. Я покупала только одежду для детей, но набралось достаточно большое количество пакетов и сумок, без помощи Лени мне пришлось бы трудно.

Покидаем гостеприимный Минский вокзал, пересадка у нас в Москве. Определяем приближение к Москве по увеличению количества мусора возле железной дороги. Москва! В Минске такого не было.

Из воинской части мне вскоре пришлось уйти, но знания, полученные на курсах, очень помогли мне в работе.

Не так давно к нам приезжали торговцы из Белоруссии со своими товарами. Говорили, что живут хорошо.

Ставрополь

На курсы по изучению языка Паскаль для ПЭВМ нас с Наташей посылали вдвоем. Ехать надо было в Ставрополь. Денег в воинской части было не очень много, поэтому решили, что язык мы и так знаем, поедем только на вторую часть курса, где касается непосредственно операционной системы. Созвонились, все уточнили, нам обещали сообщить, когда будет нужно выехать. Группы обычно подбираются по 15 – 20 человек, учеба уже началась, мы присоединимся в нужный момент.

Наконец, звонят, спрашивают, можем ли мы выехать и говорят:

– Хорошо, с этого числа мы начинаем читать операционную систему.

Мы удивились: неужели будут специально нас дожидаться? Но когда приехали, выяснилось, что группа вместе с нами состоит всего из четырех человек, еще одна женщина и чеченец Харун. Действительно ждали нас.

Приехали мы ближе к вечеру. Нам сказали, что жить мы будем в общежитии сельскохозяйственного техникума, объяснили, как добраться. Аэродром в Ставрополе за чертой города, автобус ходил раз или два в сутки. Мы сидели на аэродроме, ждали автобус, довольно долго ехали на автобусе. В общежитие мы пришли уставшие, зашли в комнату, которую нам показали, легли и сразу уснули. Утром я посмотрела на стены комнаты и обнаружила какие-то черные, перемещающиеся точки. Подумала, что клопы, оказалось мелкие тараканы. Тоже ничего хорошего! Нас успокоили, пообещали все вытравить.

Мы ушли на занятия, возвращаемся, берем ключ у дежурной. Та смотрит на нас с удивлением:

– Так это вы живете в этой комнате? Мы думали, что мужчины.

Заходим в комнату. На стуле висят джинсы Наташи, на столе лежат ее сигареты. Тогда еще женщины мало ходили в брюках, неудивительно, что так подумали.

У Харуна было где-то животноводческое хозяйство. Спрашиваем:

– Ты овец собрался считать на компьютере?

– Да, конечно.

Он вроде бы даже диссертацию писал по этой теме. Вопросы он задавал очень интересные. Если в чем-то не соглашался с преподавателем, восклицал:

– Я протестую!

Однажды мы стояли в очереди в столовой за металлическим ограждением. Что-то у них на раздаче замкнуло, сверкнула искра. Пока я тупо стояла на месте, соображая, что нужно делать, Харун мгновенно обогнул меня, выскочил за ограждение на безопасное расстояние. Потом сердито выговаривал мне за нерасторопность:

– Это же не шутки!

Мы с Наташей заинтересовались его семьей:

– Харун, а у тебя жена работает?

– Вот когда второй ребенок в школу пойдет, будет работать.

– А сколько у тебя детей?

– Один. Но вот когда родит второго и он пойдет в школу...

В комнате, в которую нас поселили, обычно ночью располагались дежурные по общежитию. Когда мы приехали, не было свободных комнат. Потом нам предлагали перейти, но мы отказались, вроде бы уже обжились, привыкли. Дверь в общежитие запирали в 11 часов вечера, и к нам иногда по старой памяти стучали в окно опоздавшие. Один парень, видимо, приехавший из своего дома ночью, стучал очень долго:

– Женщина, откройте!

– Мы не дежурные, у нас нет ключей, мы не знаем, где находятся дежурные.

– Женщина, откройте! Мне же холодно! Ну, вы же женщина, вы мать! Вы меня, наверно, не раз видели.

– Да век бы вас не видеть!

И так до тех пор, пока я не выдержала. Встала, оделась, пошла по коридору, искать дежурных. Нашла в одной из комнат. Они открыли ему, но сказали, чтобы больше я так не делала:

– Мы никого не пускаем ночью! Опоздал, значит опоздал.

Наташе нравилось держать деньги в крупных купюрах. Перед отъездом она специально обменивала у всех деньги. А тут вдруг объявляют срочный обмен пятидесятирублевых купюр, ограниченное количество на каждого. Пришлось ей расписывать деньги на всех нас и брать у меня займы, пока не обменяют.

Впечатление от Ставрополя осталось очень хорошее. Широкие улицы, много зелени, причем большое количество хвойных деревьев. Только ветры порой слишком сильные, вывески с домов срывают. Переходили улицу во время такого ветра, так Наташу сдувало самым натуральным образом. Она невысокая, худенькая, ее просто тащило по дороге. Ходили в местный музей, любовались ступенчатыми аллеями, засаженными цветами.

В свободное время я рвалась в кинотеатры, дома у меня маленький ребенок, в кино ходить некогда, хотя бы здесь наверстать. У Наташи таких проблем дома не было, но она все-таки составляла мне компанию, хотя и не очень охотно.

Выстаивали в огромной очереди, чтобы купить курицу – гриль, тогда эта услуга только начала появляться. Вместе с курицей продавали вкуснейшие булочки собственной выпечки. В окошечке у хлебного комбината недалеко от общежития можно было купить горячий хлеб. Это были времена сильнейшего дефицита продуктов и товаров, начало девяностых лет. Там хотя бы в очереди можно было что-то купить, в нашем городе ничего не было, чуть ли не все по талонам.

Мы недолго проработали в воинской части после этих курсов. Сначала уволилась Наташа, потом я. А позднее началась война с Чечней, и я не раз вспоминала славного чеченца Харуна. Я рада, что наши народы сейчас дружат.

Леня

Сталкиваемся с Леной в первый раз перед партийным собранием. Нас всего шесть женщин среди более ста коммунистов НИО (научно-испытательные отделы), все уже знают, что этот последний крайний стол наш, никто не претендует, а эти заняли и не хотят освобождать. Вообще неприятные типы! А этот особенно – щуплый, остроносый, взгляд ехидный – просто «редиска» какой-то!

Наш начальник лаборатории программирования уехал, эти обязанности выполняю временно я. Назначают нам, наконец-то начальника, и это как раз он – «редиска» Леня Косянчук! Старенькая БЭСМ, на которой мы работаем, совсем рассыпается. Но уже завершается десятилетнее строительство лабораторного корпуса, должны получить новую ЭВМ, предстоит освоение нового оборудования, новых языков программирования.

Леня читает сотрудникам лекции по ФОРТРАНУ. Присматриваюсь – а он ничего! Рассказывает грамотно, толково, лицо освещается вдохновением, вроде бы даже выше ростом становится. И держится тактично, ненавязчиво, в женские дразги не встречается.

Я ухожу в декретный отпуск, у меня рождается второй сын, возвращаюсь уже в новый лабораторный корпус. Программистов у нас трое: Наташа, Таня и я, остальные – операторы. Они уже частично освоились, мне все это только предстоит. Наташа вообще человек непростой, самолюбива, честолюбива, чувствует за собой мощную поддержку. У нее отец – главный инспектор рыбнадзора. По тем временам тотального дефицита фигура сравнимая разве что с директором мясокомбината. В воинской части тоже постоянные комиссии, проверяющие, всех надо встречать, угощать, как тут без рыбы и мяса. Наташа в мою бытность начальником лаборатории мне немало крови попортила: на обязательные субботники не ходит, принесла справку, в помощь другим службам, куда нас периодически заставляют выделять людей, не идет. Другим обидно – почему их посылают, а ее нет. Летом как-то срочная задача и у нее, и у меня, а она за Волгу с мужем собралась, требует отгул.

– Наташа, сделай программу и иди куда хочешь.

– Подумаешь, какой начальник, есть и повыше!

Бежит к начальнику отдела, он ее отпускает. С меня спрашивают, почему не выполнена задача.

– А вы зачем Ключникову отпустили?

– Но я же не знал!

– Спрашивайте в другой раз.

В новом корпусе тоже начинаются конфликты. То у меня промежуточные библиотеки с диска исчезают: Наташа увидела, что они в данный момент пустые, посчитала ненужными и удалила. Моя программа без них не работает. То статусы начинают меняться, то приоритеты. Таня другой человек, но она по возрасту (на шесть лет моложе меня) ближе к Наташе, они дружат семьями, ходят друг к другу в гости. Леня, кстати, тоже их возраста.

В машинном отделении коллектив тоже преимущественно женский. Их начальник Володя начинает дотошно разбирать все жалобы, обиды, получается только хуже, все накручивается, как снежный ком. А Леня собрал нас в своем кабинете: «Давайте поговорим». Высказываем все – кому, что не нравится, выкладываем все претензии. В результате четко оговариваем границы: я не делаю этого, Наташа того. Продолжаем работать.

Обычно Леня заходит к нам в начале рабочего дня, улыбается: «Привет! Как дела?» Определяемся с текущими задачами, намечаем планы, а то и просто разговариваем «за жизнь». О детях завели разговор, Леня тоже участвует. Наташка сегодня не в настроении:

– У тебя своих детей нет, что ты можешь знать!

Мрачнеет:

– Да, своих нет, но я хотел бы их иметь!

Уходит.

– Ты что, Наташа! Зачем ты так!

– Пусть не лезет!

Жена у Лени перенесла операцию, детей иметь не может. Кто-то сочувствует, а кто и намекает, чуть ли не в открытую: «Зачем жить с такой, нашел бы другую».

Уезжаем на курсы в Минск. Мое обучение должно продлиться два месяца, у Володи и Лени по месяцу. Едем сначала с Володей. Он уже был в Минске, ориентируется в городе, подсказывает мне как что найти. Володя уезжает, приезжает Леня. Теперь я в роли гида.

Разгар перестройки, нигде ничего нет, у Лени списки заказов сотрудников. В Минске по нашей зачетной книжке еще можно что-то купить. Идем с ним в «Детский мир» (у Валеры родился сын), едем в другой конец города в магазин «Электроника». Начало марта, у нас в это время еще холодно, кругом снег. А здесь и в феврале снега не было. Я, зная, что буду возвращаться в конце марта, взяла весеннюю одежду, а Леня приехал в теплой куртке, жарко.

Не вижу его несколько дней, потом встречаю в столовой:

– Ты куда исчез?

– Лежал с температурой, простудился.

– Что же не сказал, у меня таблетки всякие есть.

– Ладно, прошло.

Через какое-то время идем опять в поход по магазинам. Леня прикашливает.

– Опять простудился? Вечно ты простужаешься!

– Не обращай внимания, это мое обычное состояние.

А я натерла ногу, начинаю прихрамывать.

– Вечно ты ноги натираешь!

Живем в общежитии недалеко от учебного центра, где проходят занятия. Кабинка для междугородних переговоров в холле на первом этаже. Спускаюсь, чтобы позвонить домой, кабинка занята. Сажусь, жду. Слышу голос Лени:

– Танечка! Здравствуй, маленькая!

Столько в голосе теплоты и нежности! Мне неудобно становится, вроде бы как подслушиваю. Ухожу, лучше попозже позвоню.

Домой в Вольск возвращаемся вместе. Часть вещей отправлена посылками, но все равно много набирается. Как это все нести? Заходит Леня:

– Давай помогу.

– Но у тебя же своих вещей много.

– А я их уже отвез в камеру хранения, предвидел, что такая ситуация возникнет.

Вскоре узнаем, что Косянчуки взяли на усыновление ребенка, новорожденного, прямо из роддома. Леня в восторге. Иногда приходит на работу уставший, с красными глазами, не спал ночью.

– А что же Таня?

– Я ее к матери отпустил отдохнуть.

Перестройка набирает обороты. Зарплату служащим не повышают, а цены растут бешеными темпами. Наташа собирается увольняться, я тоже. Леня пытается нам помочь, поднимает кучу документов, разыскивает нормативы на работу программистов. По этим нормативам у нас с Наташей идет превышение в 10 – 11 раз, у Тани в 5 – 6. Мы пишем всё. За готовую программу нужно платить деньги, немаленькие, да еще потом оплачивать каждое обновление, дожидаться, когда его пришлют. А программисты все равно ставку получают, пусть работают. Вот и изобретаем каждая свой велосипед. Леня хочет добиться, чтобы нам платили за полторы ставки, но для этого надо оформить и подписать ряд документов и таблиц. А у него – то командировка, то срочная работа, то где-то затерлись данные, все затягивается.

Наташа увольняется в течение двух дней. Я дожидаюсь возвращения с курсов Тани, пишу подробную инструкцию по каждой своей программе, только после этого увольняюсь тоже.

Наташины программы начинают сбоить, перестают работать, мои работают. Как говорил один из наших заказчиков: «Галя пишет от и до, а Наташа сейчас-сейчас». Сдает вроде бы законченную программу.

- Наташа, а это?
- Сейчас, сейчас.
- Наташа, а здесь?
- Сейчас, сейчас.

Леня говорит: «Ты вернешься, примем без разговоров, Наташка пусть лучше не приходит». А у меня нелады с непосредственным начальником вычислительного центра Ефремовым. Он груб, невыдержан, с людьми разговаривать не умеет. Допускает явные ошибки в программе, но доказать ему его неправоту совершенно невозможно. Почти соглашаюсь вернуться, но начальник отдела уже принимает на мое место другую женщину. Она не программист, но сестра жены начальника.

Офицерам тоже задерживают выплату зарплаты, вынуждены крутиться, кто как может. Леня с Володией и Николаем подрабатывают на «Большевике» – самый большой и лучше других оборудованный наш цементный завод. Леня жалуется между делом начальнику вычислительного центра:

– Гады – кооператоры! Сманили у меня лучшего программиста, еще и не платят, как следует!

- А мне как раз программист нужен.

Леня звонит мне.

- Позвони на «Большевик» вот по этому номеру, спроси Мазаревича.

Звоню, спрашиваю. На том конце недоумение. Выясняется, что фамилия начальника вычислительного центра Маразовский, зовут Валерий Израилевич.

- Ленька! Что ты мне сказал? Мазаревич – это же неприлично!
- А Израилевич по-твоему прилично?

Уйти на «Большевик» мне не удастся, потому что увольняется Ефремов, а я не могу оставить незавершенные программы. Но я работаю прикладным программистом, операционной системой и «железом» занимались обычно другие, Леня в том числе. Обращаюсь к ним за помощью, они не отказывают, Богданов оплачивает, деваться некуда.

Приходят они мне помогать, я спрашиваю:

- Леня, как растет сын?
- Уже совсем большой! Ты не представляешь, что он вытворяет!

Вскакивает коленями на стул, чтобы показать, что вытворяет его сын. Проходящие мимо женщины удивленно посматривают в приоткрытую дверь.

Что-то мне нужно подправить в системе в очередной раз. Обращаюсь к Лене, а он все никак не выберется: работа, командировки, после работы занят строительством гаража. Меня как будто кто-то подталкивает: «Быстрее, торопись». Удивляюсь сама себе: «Что это? Не так это срочно, освободится, придет, он же никуда не уезжает, я тоже».

Возвращаюсь на работу с обеденного перерыва, мимо проезжает машина, Леня за рулем. Ко мне заезжал и не застал? Бегу за ним, кричу: «Леня! Леня!» Он не слышит, конечно, едет дальше. Останавливаюсь в недоумении: «Да что со мной? В другой раз придет!»

Звонит одна из моих бывших сотрудниц в воинской части:

- Косянчук разбился.
- Кто? Лавренчук?
- Нет, Косянчук.
- Что с ним? Он жив?

– Нет, сразу насмерть.

Реву безудержно, уже не пытаюсь справиться с собой.

Они с женой возвращались с дачи. Ехали на небольшой скорости на подъеме. Встречный грузовик не справился с управлением, вылетел на их сторону, смял машину в лепешку.

Провожала вся часть, пришли из музыкального училища, где работала Таня. Мать не смогла приехать, слегла. Сестра плакала так, что ей стало плохо, скорую помощь вызывали. Сплошной непрекращающийся ливень, море зонтов, два закрытых гроба. Ну почему самые лучшие, светлые уходят раньше других?

Мальчика, второй раз оставшегося сиротой, вырастила мать Тани. Наши офицеры помогали, чем могли. Кто-то пытался претендовать на квартиру Лени, отстояли.

Ясную улыбку Лени вижу на памятнике, когда иду мимо к отцу. Две фотографии рядом и одна дата смерти. Не оставил свою Танечку, взял с собой. Как им там, на небесах?

Богданов

Это было начало перестройки, 1991 год. Эйфория от перемен уже стала проходить. Впервые показали по телевизору партийные дебаты, мы увидели и услышали тех, кто много лет правил нами. У них был оптимизм, у нас не очень. Опустились прилавки, у нас в воинской части стало все по талонам, вплоть до макарон, сигарет и бюстгальтеров. К тому же военнослужащим оклады повышали, служащим нет. Солдатки в штабе получали больше, чем инженеры-программисты. А у меня двое детей. Старший оканчивает школу, младший в детском садике. И тут мне предлагают работу с окладом в два раза больше, чем у меня сейчас. Уходить было страшно, я уже четырнадцать лет работала на этом месте, впереди полная неизвестность. Бросалась, как в омут, вниз головой.

Организация называлась «Промышленной ассоциацией». Начальник Богданов, он именовался генеральным директором. В его распоряжении каким-то образом оказалось здание машинно-счетной станции, где выполнялся ряд городских заказов на табуляторах. Это что-то похожее на электронно-вычислительные машины, но гораздо примитивнее. Программы для них составляются с помощью множества проводков, данные вводятся с перфокарт. Еще под началом Богданова было рыбоводческое хозяйство, стеклодувная мастерская и что-то еще. Он нанимает даже повара, чтобы кормить работников. Для повара готовят рабочее место, разбирая кувалдами перегородку между двумя комнатами.

В мою задачу входит написать для компьютеров программы, выполняющие то, что считалось на табуляторах. Начальник вычислительного центра Александр Ефремов, он закупает и обслуживает компьютеры. Компьютеров пока два, но будет больше. Причем компьютеры импортные, более высокого класса, чем были у нас в воинской части. О программировании Богданов имеет весьма смутное представление. Ефремов, в общем-то, тоже, хотя установить операционную систему и нужные трансляторы он вполне в состоянии. Выясняется, что написать программы на языке Паскаль, на котором я работала, будет слишком сложно, нужно освоить язык баз данных. Начинаю осваивать, разговариваю с операторами машинно-счетной станции, уясняю для себя задачи. От их прежней начальницы толку мало, программы она не составляла, занималась в основном административной работой.

Ефремов вроде бы подключается к моей работе, но больше тормозит, чем помогает. Разговаривать с людьми он не умеет, груб и невероятно упрям и самонадеян. Ему порой трудно доказать самые элементарные вещи, хотя бы то, что подходящий налог должен считаться по установленной формуле, а не так, как хочется ему. Тем не менее, Ефремов наобещал Богданову, что все будет сделано в очень короткие сроки, и Богданов, поверив его обещаниям, уволил ряд работников, обслуживавших табуляторы.

Я работаю в очень напряженном режиме, но программ много. К тому же надо обучить операторов. Работать на компьютерах могут не все, и операторам надо еще продолжать работу на табуляторах, пока не будут написаны все программы. Переходим постепенно, привлекаю к работе с уже законченной программой своего сына, дочку подруги. Они приходят вечером, после школы, вводят исходные данные. Приходят подрабатывать две сестренки-близнецы, отчисленные из педагогического училища. Девочки хорошенькие, Богданов им очень симпатизирует. Хотя женщины жалуются: то пропадают продукты из столов работников, то к девочкам приходят парни бандитского вида. То они берут отгул, а мать звонит и спрашивает где они, они ей сказали, что идут на работу. Их гибель потрясает весь город и сильно расстраивает Богданова. Одну из сестер пытаются изнасиловать, она пишет заявление в милицию. Ей угрожают, требуют забрать заявление, она не соглашается. Убивают ее и сестру, которая берется за нее заступаться. Бьют очень жестоко, лопатами по головам. Убийцы – двое молодых парней и девочка-школьница.

Живет Богданов и некоторые его работники, в том числе Ефремов, в военном городке Шиханы, где-то полчаса езды до работы. Богданова возит на машине его секретарь-референт Валерия Сергеевна, другие добираются на рейсовом автобусе. Позднее он приобретает подержанный Опель. А у меня огородный участок на середине дороги между Вольском и Шиханами. Воды там нет, когда надо травить колорадского жука, везем воду из города в канистрах. Богданов предлагает подвезти мне воду на своей машине. А посадка у Опеля низкая, по асфальту он хорошо идет, а в поле садится на «пузо» и застревает. Даже не помню, как он сумел выбраться, больше помощи не предлагал.

Табуляторы, оставленные без обслуживания, начинают выходить из строя. Богданов торопит, он требует выполнения работы в обещанные сроки с Ефремова, тот злится и, в конце концов, увольняется, стерев в компьютере один из комплексов почти дописанных программ. Я становлюсь начальником вычислительного центра. Одну из операторов Богданов принимает сам по просьбе ее отца. Девушка окончила медицинское училище, потом вроде бы университет, но нигде до сих пор не работала. Она начинает осваивать программирование и влезать в мои уже готовые программы. Ничего не имею против ее самосовершенствования, но мне некогда исправлять ее ошибки. Предупреждаю ее раз, другой, безрезультатно. Начинаю требовать от Богданова ее увольнения.

– Как же я ее уволю, а ее отец со мной здороваться перестанет!

Отправляя меня в Москву за новыми компьютерами, Богданов дает мне адрес своей матери в подмосковном городке. В Москве у меня нет никого, остановиться негде. Женщина встречает меня очень приветливо. Она работает врачом, сильно переживает за сына и его семью.

Дела у Богданова идут не очень хорошо, повышаются налоги, плата за аренду, ему приходится сократить количество телефонов, хотя все они нужны для связи с заказчиками. Заниматься каким-то производством становится невыгодно, проще покупать и перепродавать. Он отказался бы и от вычислительного центра, но связан договорами и условиями аренды помещения. Он начинает повышать расценки для заказчиков, чтобы они сами отказались от заказов. Некоторые предприятия отказываются. Цены постоянно растут, оклады работникам Богданов повышает неохотно. Мне он увеличивает оклад, только когда я начинаю угрожать увольнением. Уходит один из его заместителей, прекращает работу с ним рыболовное хозяйство, стеклодувы.

Программы я дописываю, нахожу и подготавливаю себе замену и увольняюсь, ухожу на один из заводов, которые мы обслуживаем. Ассоциация работает еще какое-то время, потом окончательно рассыпается. Гораздо позднее я слышу о гибели Богданова. Его машина застревает на железнодорожном переезде перед поездом. Он погибает сразу, жена становится инвалидом, дети остаются живы.

Контора

Началась перестройка, и я была вынуждена уйти из воинской части, где проработала много лет, сначала к предпринимателю, а потом на цементный завод «Красный Октябрь». Должности программиста на заводе не было, поэтому меня оформили слесарем пятого разряда в цех КИП (контрольно-измерительных приборов), а рабочее место мне определили в бухгалтерии. Бухгалтерия располагалась на втором этаже старого деревянного здания – конторы. Первые впечатления от знакомства с бухгалтерией были самые тягостные. Тесная комнатка с несколькими стоящими почти вплотную письменными столами, вдоль одной стены ряд допотопных российских компьютеров, сидят две смотрящие исподлобья мегеры. Мне даже своего письменного стола не досталось, приткнулась рядом с компьютерами с одной только мыслью: «Куда я иду!»

А на другой день появилась она – невысокая, слегка полноватая женщина с круглым улыбчивым лицом, с длинными собранными на затылке русыми волосами. Словно солнышко засветилось! Она приветливо представилась: «Валентина Ивановна». Я расположилась к ней сразу всей душой, она стала моей радостью и отдушиной на всё то время, которое мне пришлось проработать на этом заводе. Заканчивалось время летних отпусков, вскоре появились еще две работницы, а всего бухгалтеров было шестеро, включая перешедшую сюда после сокращения Волгоцемремонта Зинаиду Константиновну. С Зинаидой Константиновной я была немного знакома по работе у предпринимателя. Она приносила свои ведомости и лицевые счета с дотошно расписанными указаниями как именно нужно посчитать. Я составляла специальные подпрограммы для выполнения её расчетов.

Валя легко и открыто рассказала о своей беде. На почве пьянства у её мужа началось психическое расстройство. Ему привиделись какие-то пришельцы, которые заставили его отрубить ножом свое мужское достоинство. Он лежал в больнице, мочеиспускательные каналы ему восстановили. Но он сидит дома, нигде не работает. Младшая дочь, живущая с ними, его любит, жалеет, на улицу его не выгонишь, но жутковато находиться с ним в одной квартире, кто знает, что еще придет ему в голову, что продиктуют ему пришельцы.

Веселая матерщинница Галя матом не ругалась, она на нём разговаривала. Самым ласковым словом в её телефонных разговорах с мужем было «козёл», и это говорилось совсем без злобы. Она с мужем и двумя сыновьями жила в обычной двухкомнатной квартире пятиэтажного дома, но недалеко от дома у них имелся не отапливаемый большой сарай, где они держали корову, коз. Каждый день животных надо было кормить, доить, чистить за ними. Занимались этим в основном муж и старший сын Гали. Младший сын разносил по домам молоко заказчикам. У Гали со здоровьем было неважно, она осуществляла идейное руководство. Женщины возмущались, когда она заставила ехать на сенокос сразу после больницы переболевшего желтухой старшего сына. А у Гали аппетиты разгорались всё больше: «Хочу еще одну корову! Хочу! Хочу!» Сама с юмором рассказывала, как они ходили с мужем по базару, выбирали ей шубу: «Лёша! Тебе надо тоже что-то купить. Давай купим носки». После одной из ссор муж собрал её меховые вещи, свалил в ванну и залил водой. А как Галя рассказывала о бесчинствах в их квартире новорожденных козлят, которых нельзя было оставлять в холодном сарае! Это надо было слышать.

У Наташи с мужем тоже проблемы. Ссорятся, иногда дерутся, зовут на помощь сына, тот появляется в дверях своей комнаты: «Вызывали?»

За каждой из бухгалтеров, кроме главного бухгалтера Ольги и Зинаиды Константиновны, которая сама определила себя в архив на выдачу справок, закреплено определённое количество людей. Своих людей, тонкости расчётов для каждого они знают, стараются никому не передоверять, чтобы не запутаться потом в чужих расчётах. Все ведомости, лицевые счета, наряды

поступают в бухгалтерию в конце месяца, их надо обработать за короткий срок. Зарплату вовремя не платят, но все отчёты все равно должны быть составлены к нужному времени. На период отчёта бухгалтера выходят из отпусков, приходят, находясь на больничном листе, работают в выходные и праздники. Я с ними тоже, на случай возможного сбоя в программе, поломки компьютеров. Эти компьютеры работают раздражающе медленно, громят, как тракторы, устают глаза от маленьких чёрно-белых мониторов. Часть вычислений бухгалтера выполняют на калькуляторах, но потом готовые суммы нужно ввести в компьютер, свести всё воедино. Программу специально для этого предприятия разрабатывали по заказу специалисты в Чебоксарах, к ним надо обращаться при возникновении неисправимых ошибок в программе или для внесения изменений.

Компьютеры есть ещё в отделе кадров, отделе сбыта, отделе труда и зарплаты, расположенных на первом этаже конторы. И есть жилищно-коммунальный отдел в другом здании, где работает программа, написанная мной. Все эти участки также на моём обслуживании. Ремонтом часто ломающихся компьютеров, поставкой расходных материалов для них, закупкой программного обеспечения занимаются на головном заводе «Большевик». Мне нередко приходится ездить туда на служебном автобусе в течение рабочего дня к неудовольствию начальника цеха КИП, имеющего мало представления о моей работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.